

28. III 47

Концерты Е. Мравинского

Немногочисленные московские гастроли Е. Мравинского оставляют очень отрадное впечатление. Этот талантливый музыкант не останавливается в своем творческом росте. Его владение оркестром стало еще более солидным, трактовка еще более содержательной. Особенно отчетливо это сказалось в «Реквиеме» Берлиоза, который под управлением Е. Мравинского мы слышали в последний раз весной 1941 года.

В нынешних концертах замечательная музыка Берлиоза прозвучала еще лучше, чем шесть лет назад. Мравинский интерпретирует «Реквием» строго, правильно подчеркивая противоположную мистическому началу яростность борьбы со смертью. Дирижер ведет эту единую линию, начиная с конфликта, возникающего в первом номере «Реквиема», через «штурм сил смерти» в «Dies Irae» и страстность протеста против них в «Lacrimosе» — к торжественному ликованию двух фуг в предпоследнем фрагменте. Подобное толкование «Реквиема» умно и правильно выявляет стихию человеческой активности, заложенную в самом существе берлиозовской партитуры и противопоставленную католической идее покорности личности перед смертью и богом.

Во второй программе Е. Мравинского оказалась новинка — оратория «Памяти павших героев» Ю. Левитина (на текст Лебедева-Кумача). Оратория привлекает серьезностью замысла, ответственным отношением к большой патриотической теме.

Драматургический план оратории довольно широк. Ее 3-я часть («На грозный бой») рассказывает о народ-герое, стеной вставшем «за жизнь и честь страны родной»; 5-я часть («Села пылают») — о бедствиях, принесенных фашистским нашествием; заключительная, 8-я часть, переводит поминание павших героев в гимн их доблести и бессмертной славе, в гимн победившей Отчизне.

В оратории рельефен национально-русский колорит. Такова, например, широко напевная и сдержанно скорбная вступительная мелодия (у альтерной флейты), являющаяся лейтмоти-

вом сочинения и возникающая во всех драматургических переломных моментах развития. Ее корни — в русской протяжной песне и отчасти в некоторых важных интонационных деталях медленной части 5-й симфонии Д. Шостаковича. Отличная фуга «На грозный бой», также русская по характеру, своим содержанием и музыкальным строем перекликается с эпически-воинственной песней «Вставайте, люди русские!» из кантаты «Александр Невский» С. Прокофьева. Средоточие русского начала — проникновенный хор *a capella* «Могила бойца» (4-я часть).

Следует отметить также и 5-ю часть — очень свежо звучащую, напористую фугу. И здесь без труда распознаются вполне естественные творческие связи Левитина с его учителем Д. Шостаковичем.

Несмотря на значительное продвижение Левитина к стилистической цельности (сравнительно, например, с его первой, написанной в 1942 году, ораторией «Священная война»), интонационная «многосоставность» и сейчас дает себя чувствовать в его музыке. Например, хор «Могила бойца» звучит в иной стилиевой плоскости, нежели, скажем, оркестровые фрагменты оратории. Еще заметнее это в двух сольных фрагментах для сопрано — «Боевые знамена склоните» и «Здесь дремлют объятые вечным покоем», несколько сентиментальных и наименее оригинальных по материалу.

К исполнению трудной оратории Е. Мравинский отнесся не только добросовестно, но и любовно. Государственный симфонический оркестр в обеих программах Мравинского играл хорошо. Также хорошо показала себя Ленинградская академическая хоровая капелла (художественный руководитель Г. Дмитриевский, дирижер-хормейстер Е. Кудрявцева), хотя в «Реквиеме» Берлиоза группа теноров форсировала звук, а в особо трудных местах оратории Левитина интонации не всюду были до конца точными. С большим вкусом и тактом спела Н. Шпиллер сольные номера оратории.

Д. РАБИНОВИЧ.